МАЙКЛ ДАУНИ

ЗОЛОТО ИСТРИИ

РОМАН

Перевод с английского
Марии Александровой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Д21

18+

ISTRIA GOLD by MICHAEL DOWNEY

Copyright © 2022 Michael Downey

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского Марии Александровой
Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Майкл Дауни
Д21 Золото Истрии: Роман / Пер. с англ. М. Александровой. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 448 с.

Джеймс Джойс жил в Пуле, но в его книгах ни разу не упоминается прекрасный хорватский полуостров Истрия. Его соотечественник Майкл Дауни исправляет эту несправедливость своим романом “Золото Истрии”, в котором семейные тайны и секреты прошлого раскрываются на фоне удивительной и необычной охоты — за трюфелями. Его роман — захватывающий приключенческий детектив, действие которого разворачивается в Истрии на протяжении трех драматических исторических эпох: наши дни; Римская империя I века н. э.; партизанская война 1943—1945 годов. Истрия — пограничная земля, где веками сталкивались культуры, языки и политические режимы. Через судьбы нескольких поколений героев “Золото Истрии” показывает, как история оставляет глубокие шрамы: итальянский фашизм, нацистская оккупация, послевоенные репрессии, югославский социализм и войны конца XX века. Эти события не просто служат фоном — они формируют персонажей, определяют их судьбы, их выборы и внутренние конфликты. В центре романа — Нино, проживший долгую жизнь и несущий тяжелое бремя прошлого. Накануне его 90-летия, на которое собирается вся семья, происходят события, корнями уходящие в годы Второй мировой. Нино предстоит раскрыть трагическую тайну, связанную с предательством и моральным выбором в те годы. Эта тайна разрушит привычный уклад его семьи и поставит под угрозу отношения с самыми близкими и любимыми. Его внук Марко, британский полицейский, несколько лет проживший под прикрытием, после разоблачения возвращается на родину. Для него прошлое — отчасти бремя, отчасти наследие, которому необходимо следовать. И символом этого наследия является золото Истрии, ее сокровище — редкие трюфели, вокруг охоты на которые завязываются драматические, напряженные, почти детективные линии в каждом из временных пластов.

ISBN 978-5-907943-26-1

© Мария Александрова, перевод, 2026
© Андрей Бондаренко, оформление, макет, 2026
© “Фантом Пресс”, оформление, издание, 2026

ГЛАВА 1
Возвращение блудного сына

Лондон — Истрия, наши дни

Не обращая внимания на бесконечные объявления вокзального диктора, он деликатно, очень по-британски проталкивался в потоке людей, плавной волной струившемся по подземному переходу от Кингс-Кросс к Сент-Панкрас. Если вы, не противясь, готовы просто плыть, подчиняясь людскому течению, это похоже на серфинг в волнах. Но если вам нужно добраться в определенное место, то запросто можно застрять в сужениях и водоворотах человеческого потока, который за последние полторы сотни лет, кажется, так естественно просочился в подземный мир. Он выглядел как человек, которому совершенно некуда спешить. Но внешность бывает обманчива. Его ждала очень особенная встреча этим ясным зимним лондонским утром, красота которого стала еще очевиднее при стремительном погружении в недра столицы. Общественный транспорт Лондона продолжал свою полуторавековую традицию оскорбления всех органов чувств. Это ощущение еще сильнее обострилось после его последней операции под прикрытием в сельской глуши Британии — в подпольной группе закоренелых анархистов — защитников окружающей среды “Антиглобалисты”. Встреча с лондонским транспортом оказалась таким насилием над чувствами констебля Марко Михайлича, что он счел ее не просто оскорблением, она пробудила в нем

несвойственное ему презрение, и он приспустил свой флаг толерантности к людям по меньшей мере наполовину. Эскалатор вез его к грохоту и скрежету линии Хаммерсмит-энд-Сити, и настроение не становилось лучше, по мере того как он прокручивал в голове события последних двух недель. Они мелькали перед глазами, точно кадры из фильма. Нападение на лабораторию, где проводились эксперименты на животных, в котором участвовал он сам и его приятели, защищающие права братьев наших меньших. Проблеск осознания у членов группы, что полиция долины Темзы, должно быть, получила наводку. Последующий арест и допрос всей группы в полицейском участке Сент-Алдейт, суд, залог и освобождение в понедельник утром. А потом это чувство постыдного *ожидания*, что когда он вернется в "лагерь", захудалый сквот на бывшей электростанции в Осни, его раскроют как "крысу". Крысу, которая предавала их всех последние три года. Хуже, казалось, уже не могло быть, но было. Человеком, обнаружившим, что он шпик под прикрытием, нашедшим его настоящий паспорт с подлинным именем, датой рождения и социальным статусом, стала Джейни. Женщина, которой он признался в любви. Женщина, которую он любил. Которую любит по-прежнему. Женщина, которая носила и потеряла его ребенка. Женщина, которую он предал и которая позволила ему бежать, прежде чем сообщить о нем остальным.

И вот сейчас он направлялся в полицейский участок Паддингтон-Грин якобы для того, чтобы услышать окончательное решение относительно своей судьбы оперативника, работающего в Национальном подразделении изучения общественного порядка*. И будущее выглядело так себе. Он взглянул на свое отражение в стекле. Как он дошел до такого? Он все пристальнее всматривался в собственные глаза, пока

* Подразделение в спецслужбах Великобритании, созданное для слежки за активистами "зеленых" и других общественных организаций. — *Здесь и далее примеч. перев.*

почти пустой вагон несся в знакомой тьме подземной нейтральной зоны где-то между легендарной Бейкер-стрит и современным ближневосточным анклавом Эджвер-роуд.

В нем нет ничего подлинного. Он даже не настоящий британец, хотя и защищает британские ценности от имени британского общества. Больше всего на свете британцы любят своих животных и превыше всего ставят права своих животных. Порой, подумал он, больше, чем людей и права человека. Он еще раз посмотрел на себя.

Кто ты, Марко Михайлич? Встаньте, пожалуйста, настоящий Марко Михайлич, попросил тихий, раздраженный и скрипучий голос в глубине его оплетенного дредами черепа.

Когда Марко и его сербская мать Майя бежали из бывшей Югославии, ныне хорватской Истрии, после гибели его отца в Хорватской отечественной войне в 1995 году, все было очень тяжело. Взаимные обвинения, недоразумения, старые семейные распри обострились и вспыхнули с новой силой. Майя была обижена и разгневана на своего тестя Нино, винила его в смерти мужа — Иво. Благодаря своим военным связям Нино мог бы уберечь сына от мобилизации, если бы захотел. И однажды ночью Майя взяла маленького Марко и уехала из Истрии. Спустя несколько лет унижений она сумела-таки добиться от министерства внутренних дел Великобритании статуса беженки и стерла прошлое — тогда-то и началась их новая жизнь. Вдали от безумия войны, от старых распрей. Вечная история беженцев, решивших начать все заново, позабыть о национальной ненависти и двигаться дальше. Тогда, в 1990-е, их было гораздо меньше и в мире, и в Европе. Майя и Марко использовали свой шанс, укрылись в новой стране от хаоса родной Хорватии, от семьи, которая, по мнению Майи, предала и ее, и ее мужа. Майя со всей страстью окунулась в жизнь, работу и выживание в Британии. Днями напролет она мыла и прибирала офисы в Сити — и по ночам тоже, чтобы

обеспечить сыну достойную жизнь и достойное образование. Свою степень по философии, полученную в университете Белграда, она использовала, лишь когда давала советы Марко. Советы, к которым он всегда прислушивался.

Впервые с момента смерти матери три года назад Марко был даже рад, что ее больше нет. Точно так же он впервые признался себе, что, возможно, его решение работать под прикрытием было непосредственно связано с ее смертью. Побег. Обезличенность. Отказ от прошлого. Бегство от чувства вины. Он скрывался от себя разными способами.

Марко вернулся к своему отражению. Нострил и болты в бровях ему даже идут, как и штанга в крыле носа. Если откровенно, он походит на макробиотического монстра Франкенштейна. Сейчас можно наконец избавиться от нелепых растафарианских дредов белых мальчиков, которыми он обзавелся, чтобы гармонично вписаться в компанию собратьев — крестоносцев-антиглобалистов. Идея культурной (бескультурной) апроприации была безмерно далека от их псевдорастафарианских умов — возможно, размышлял он, потребность в таком прикиде объяснялась тем, что организации “зеленых” (по крайней мере, в Британии и Штатах) были слишком уж “европеоидными”. Как недавно заметил один язвительный колумнист в “Гардиан”, цветных людей так исчезающе мало среди защитников окружающей среды в Великобритании, потому что им стыдно за Белых Дредов.

Марко очнулся от транса, когда поезд внезапно дернулся и пришел в движение, но тут же остановился, проскрежетав по путям еще ярдов пятьдесят. Обычное дело для линии Хаммерсмит-энд-Сити с ее древними светофорами. В этот момент возвращения к реальности Марко осознал, что единственный, помимо него, пассажир в вагоне переключил телефон на громкую связь и подпевает каким-то бессмысленным речевкам дежурного рэпера. Допустив, что

дело всего лишь в плохо работающих наушниках, Марко минуту-другую послушал. Поняв, что парень всерьез намерен приобщить его к своим музыкальным пристрастиям, сделал умиротворяющий жест ладонью книзу — мол, "уймись, чувак", — который был проигнорирован.

— Эй, чувак, полегче с динамиком. Мне-то пофиг, но на "Эджвер-роуд" зайдут и другие люди, — неубедительно сказал Марко.

Парень — белый злобного вида переросток, одетый (опять же, по иронии судьбы) как черный рэпер, — подошел и плюхнулся на сиденье напротив Марко, врубил громкость на полную и принялся через слово выкрикивать "козлина", в упор глядя на Марко. Как по сигналу, поезд пришел в движение и преодолел последние сотни ярдов до станции "Эджвер-роуд". Сквозь назойливые рэп-вопли прорезалось образцовое произношение диктора: "Следующая остановка «Эджвер-роуд». Пересадка на линию Дистрикт в направлении Эрлс-Корт. Будьте осторожны при выходе из вагона".

Отточенным броском Марко швырнул парня на пол. И через секунду тот уже был прикован к поручню сиденья около двери. Чувак даже не успел сообразить, что случилось, и в тот момент, когда он поднял голову, Марко, уже стоя на платформе, поднял руку с телефоном и прицельно уронил его в урну. Поезд тронулся, и Марко ласково помахал рукой. Прощания не были сильной его стороной, но в последнее время жизнь, казалось, превратилась в длинную череду прощаний. Впрочем, парень уже на него не смотрел. Он пытался разобрать, что написано на маленькой визитке, зажатой у него в руке.

Привет. Я из организации "Прикрути звук". Мы боремся за свободу от нежелательных шумов, музыки и прочего звукового насилия. Сегодня вы понесли ответственность за нарушение общественного спокойствия. Мы сохраняем за собой право объяснить вам, почему вам не следует нарушать наше личное

пространство вторжением ваших шумов. Мы требуем запретить фоновую музыку в общественных местах, где люди бывают бессильны защититься от нее.

А ниже изысканными каллиграфическими буковками:

Спасибо, что прикрутили звук!

❄ ❄ ❄

Встреча в полицейском участке Паддингтон-Грин прошла ровно так, как и предполагалось. Никаких сюрпризов. Марко всегда был немножко чужаком в подразделении, и не только из-за своего югославского происхождения. Даже будучи натурализованным британцем, он не смог полностью смириться с социальной иерархией Англии, и не только в гражданской жизни, но и в полиции, и в антиглобалистском подполье. По окончании колледжа он думал, что, поступив в столичную полицию, он наконец сможет интегрироваться, ассимилироваться, стать одним из своих. Он недооценил глубины британского снобизма. Когда все пошло не по плану — и после смерти матери от агрессивной формы рака легких три года назад, которая подстегнула его, — он думал, что его примут, если он откажется от личности, уйдет в подполье, проникнет в логово внутреннего врага, противостоящего Британии. Если он войдет в отряд борцов с кровавым спортом, с экспериментами над животными, отряд антифашистов... Но это лишь отдалило его от цели — стать настоящим британцем. Раствориться среди англичан.

Он осознал это, когда вдруг почувствовал, что подпольная организация, в которую он проник, стала для него домом куда более дружелюбным, чем полиция. Когда начал верить, что цели “зеленых” — это и его цели тоже. Он помнил, как в прошлой, далекой теперь, жизни бродил по

трюфельным лесам Истрии с дедом Нино и его собаками. Это был настоящий, живой мир, с удивительной природой и древними традициями, за которые стоило бороться. А еще была Джейни. Джейни, которая открыла ему свое сердце, душу и разум, подарила ему дом — первое в его жизни по-настоящему безопасное место. Вот только была еще и реальность. И в этой реальности новый его дом был выстроен на песке обмана и предательства. Поворотный момент для него наступил, когда у кинотеатра "Эвримен" в Хэмпстеде он увидел афишу документального фильма об Элис Уокер*. "Активизм — это рента, которую я плачу за жизнь на этой планете". Слова засели в голове Марко. За три года, что он прослужил королеве и стране в качестве оперативника под прикрытием, Марко проник во множество протестных группировок, включая антирасистские и анархистские, и его работа зачастую выходила за рамки обычного пассивного наблюдателя, он сам становился настоящим активистом. И внезапно оказалось, что он чужой и для полиции, и для активистов. Он стал агентом-провокатором. Будь он проклят, если это так, и проклят, если не так.

И как результат — полиция готова сделать из него козла отпущения за провал операции, за то, что все стало известно прессе. Полиции нужен кто-то, кто будет отдуваться за всех. И вот он тут — пути назад нет ни к одной из двух его прошлых жизней. Обвинения в том, что он был агентом-провокатором, ужасны, но хуже всего — история с Джейни. Их трехлетний роман, беременность, выкидыш и невозможность в дальнейшем иметь детей стали настоящим подарком для таблоидов. Они буквально вцепились в него: дерьмо, ублюдок, кобелина, стукач, немытый хиппи. А также жалкий иностранец, грязный чужак. А это худшее из преступлений для британской нации.

* Элис Уокер (р. 1944) — афроамериканская писательница и общественный деятель, лауреат множества литературных премий, активистка борьбы за права женщин и гражданские права с начала 1960-х.

Марко не имел обыкновения зацикливаться на чем-либо, да и в целом человеком он был рассудочным, поэтому понимал, что сейчас ему нужно реалистично оценить возможные пути, оставшиеся для него. Околачиваться в Великобритании под другой вымышленной личностью с неохотного разрешения властей? Чтобы рано или поздно его выследили люди в масках Гая Фокса? Или, как его любимый герой Рональд Биггс*, сбежать в Южную Америку через страну антиподов — с новым именем, дешевой пластической операцией, сделанной в Париже, и с мешком денег? Прекрасный выход, вот только мешка с деньгами у него нет.

Как его дед, отец, мать и все предки на Балканах, в глубине души Марко точно знал: как бы хорошо ни выглядели дела, плохое обязательно случится, и иметь запасной путь отступления — непременное *правило* для всех выходцев с Балкан, независимо от вероисповедания и национальности. Мама вдалбливала это ему раз за разом. Это правило было вшито в ее ДНК — особенность национальной психологии, передающейся с генами. Даже если вы думаете, что вам никогда не понадобится план бегства, лучше его все-таки иметь. И не нужны ему новая личность, новая страна, новая жизнь. Надо лишь оглянуться и увидеть, что есть то, к чему он может вернуться. К себе подлинному. Просрав две иллюзорные жизни, может, надо просто вернуться к тому, что он оставил в 1995-м?

❄ ❄ ❄

Марко не знал наверняка, почему его вызвали именно в Паддингтон-Грин, но подозревал, что обтяпать грязное дело решили как можно дальше от его подразделения —

* Британский грабитель, совершивший одно из самых крупных в истории ограблений.

придать чуток анонимности его позору, чтобы эта мрачная тень не коснулась его сослуживцев. Зачем тыкать в нос коллегам, что оперативника под прикрытием, такого же, как они сами, швырнули под грузовик, даже не попытавшись оградить от возможной мести экоборцов и бешеных нападок прессы. Какое счастье, что мама этого не видит. Почти полтора десятка лет Марко преданно служил полиции, почти треть этого времени провел на передовой под прикрытием, а потому главный суперинтендант Кэссиди проявил невиданное великодушие, дав понять, что ни одному офицеру не будут предъявлены обвинения в связи с данным инцидентом. Словом, серьезный должностной проступок просто стал прекрасным поводом для "досрочной пенсии".

Командир попросил его сдать удостоверение и наручники. Только сунув руку в сумку, Марко сообразил, что может выполнить лишь одно из требований, и криво усмехнулся.

— Ничего смешного, Михайлик! — рявкнул командир, демонстрируя перед супером свой авторитет.

— Впрочем, я не могу гарантировать, что не будет предъявлен гражданский иск, — сказал суперинтендант Кэссиди. — Как вам известно, у вас осталось много проблем с Джейни Фоулкс. Тут мы не в силах помочь. Вы ведь понимаете? Тут вы перешли черту, Марко.

Он и вправду перешел черту.

Кэссиди наклонился над столом, и Марко окутал аромат "Олд Спайс" и неприятный запах изо рта. Уже добродушнее Кэссиди сказал:

— Мне это нравится не больше, чем вам, Марко, но мы должны соблюдать правила. Оно не должно было так обернуться, сынок.

— Не должно было обернуться что? — Марко начал терять самообладание.

Повисшее молчание нарушил сам Марко:

— Вы действительно не понимаете, верно? Вы не имеете ни малейшего, черт побери, представления, чем мы занимаемся. Вы давили на меня, чтобы я быстрее, глубже проник в антиглобалистское сопротивление, вам нужен был результат, чтобы заткнуть глотки таблоидам, а когда все пошло наперекосяк, вы сразу в сторону?!

— Все было не так, Марко, и ты это знаешь, — проворчал Кэссиди.

— И вот я, честный коп, оказываюсь между молотом и наковальней, и обе стороны считают меня Иудой. Но вас, главный суперинтендант Кэссиди, вас там не было, и вы понятия не имеете, что произошло.

— Довольно, Михайлик! — рявкнул Кэссиди.

— А хотите знать, что мне осточертело больше всего? Не тычки и не побои, которые я получил от ваших отморозков из Территориальной группы поддержки, они же типа поддерживали мою легенду. А бесит меня то, что вы, черт возьми, даже не понимаете, каким отличным полицейским я был. Каким отличным полицейским я остаюсь и сейчас.

— Рискну повториться, Марко, — вздохнул Кэссиди, — но ты сам виноват. Ты спал с врагом. Трахался с врагом. Оттуда нет пути назад, и ты это знаешь.

Еще одна пропасть молчания. Которую снова первым преодолел Марко:

— Могу я задать вопрос, сэр?

— Валяй.

— Вы когда-нибудь были влюблены?

И вновь тишина.

По правде говоря, именно давление со стороны кураторов заставляло его зарываться глубже, строить отношения — чтобы добиться результата. В итоге создалось немыслимое положение — чем больше времени он проводил с антиглобалистами, тем больше сочувствовал их целям. Требование запрета экспериментов на животных было для него столь же очевидно, как и борьба с детским трудом или

разоблачение фармацевтических компаний. Со временем он стал воспринимать интернационализм, экосоциализм и антикапитализм как способ противостояния империализму, национализму и милитаризму.

И каждый шаг на этом пути приближал его к Джейни. Истина крылась в том, что активисты из оксфордского сквота стали его друзьями. Его семьей. Он полюбил Джейни и хотел, чтобы у них был ребенок. Они прожили вместе три года. К своим товарищам по отряду он был ближе, чем к кому-либо из сослуживцев. Они любили его. Она любила его. А теперь, вполне вероятно, ей придется продемонстрировать свою преданность семье, протащив его через суды по гражданским искам, а кровожадная бульварная пресса спляшет на его костях. И он, увы, заслужил все это.

— Михайлик! Михайлик? Вот. Подпиши бумаги, — выдернул его из размышлений Кэссиди, — и покончим с этим.

Марко долго мрачно смотрел на главного суперинтенданта Кэссиди, затем холодно произнес:

— Моя фамилия Михайлич. — И после демонстративной паузы добавил: — Сэр.

Вот ублюдки, думал он, глядя на полицейских. Он отдал им все, ни разу не совершил ничего, что могло бы поставить под угрозу расследование или коллег, а они просто выставляют его вон. Он видел, как двигаются губы, но не слышал ни слова. Пробормотав что-то невнятное насчет наручников и организации “Прикрути звук”, он вышел из комнаты. Тихо спустился по ступеням полицейского участка Паддингтон-Грин — в новую свою жизнь.

Дожидаясь, пока можно будет перейти вечно оживленную Харроу-роуд, он понял, что уже принял решение. Решение, возвращающее его к настоящей семье. Он не может оставаться в Лондоне. Тут его будут рвать на куски каждый божий день, пока длится этот скандал. А когда в него вцепятся адвокаты Джейни, это будет уже конец по-настоящему. У таблоидов заведено растягивать удовольствие,

потому еще очень нескоро его мрачная история о сексуальной эксплуатации и предательстве станет вчерашним днем для бульварных газетенок. Но такие истории никогда не затихают окончательно. Интернет тому подтверждение.

Выбора нет. Все, что ему остается, — собрать вещи и прыгнуть в самолет. Домой в Истрию. В последнее время он стал сентиментален. Не из-за Истрии. Он стал чувствителен к определенным словам. И одно из них — "дом". На этой мысли Марко ринулся на другую сторону улицы.

— Такси! — Он поднял руку, оказавшись на углу Эджвер-роуд, шаг его сделался пружинистым, он знал, что вскоре покинет Англию. Возможно, навсегда. Вернется в лоно своей эксцентричной настоящей семьи на берегу Адриатики.

Рядом остановилось такси.

— Тредегар-сквер, спасибо, дружище.

— Садись, — весело отозвался водитель.

Марко забрался в машину, хлопнула дверца, и таксист с ходу начал:

— Кстати, а вы не тот коп-ходок, который наяривал курочку-хиппи, в то время как должен был защищать королеву и страну? Ну ты красава, парень, она была...

Прежде чем весельчак-кокни успел закончить фразу, Марко выскочил из машины с другой стороны и рванул к станции подземки. Капюшон поднять, шарф натянуть повыше. Больше такую ошибку он не повторит.

Когда Марко поднялся по эскалатору на станции "Майл-Энд" и попытался пройти через турникет, раздался сигнал, предупреждающий, что служебный проездной не работает. Времени они не теряли, подумал Марко, между увольнением и аннулированием проездного прошло меньше часа. При вызове наряда к ограбленному пенсионеру время ожидания три часа. Но когда полиции хочется, она умеет действовать быстро. Марко встал в очередь в кассу, оплатил проезд и вышел на улицу, чувствуя себя свободным человеком, который за все платит сам. Он двинулся, не обращая внима-

ния на сигналы светофоров, через Майл-Энд-роуд, в безопасную гавань Тредегар-сквер. Он больше не коп, так почему должен подчиняться правилам?

Тредегар-сквер была, возможно, одной из самых красивых георгианских площадей, сохранившихся в Лондоне. Одним из преимуществ работы под прикрытием было обилие сверхурочных часов и отсутствие расходов на жизнь. Так что он мог позволить себе жить в маленькой квартирке в цокольном этаже в историческом центре. Или, скорее, как научили его последние три года, это прекрасное место, чтобы не жить в нем.

Когда Марко свернул на площадь за "Захари Мьюс"*, это стало очевидным. Вот они, во всей красе. Человек тридцать, все либо в масках Гая Фокса, либо в анархистских мотоциклетных шлемах, полностью закрывающих лицо. Какая ирония, подумал Марко, что его последняя ночь в Англии проходит в осаде, его высмеивают и гонят прочь из страны те самые люди, которые его "обратили". Они неизбежно должны были выяснить, где он живет. Вдобавок эта удобная иконография, ставшая символом протестного движения, — ухмыляющиеся усатые Гаи Фоксы, современная личина, которую он сам так часто надевал по столь многим поводам, — теперь обращена против него. Но проблема не только в протестующих. Буквами высотой в два фута на фасаде дома нацарапаны слова:

СУПЕРКРЫСА НА ПОДНОЖНОМ КОРМЕ!

Забавно, что это даже не его часть дома. Он живет в квартире окнами в сад. Они разрисовали жилище Терри. Похоже, грядет разборка со страховщиками.

А потом началось скандирование. Сначала тихое бормотание. По нарастающей, пока вся округа не завибрировала:

* Жилой комплекс возле площади Тредегар.

— Су-пер-кры-са! Су-пер-кры-са! Су-пер-кры-са!

Бесконечной заунывной нотой в раннем морозном вечере. Он потратил столько усилий, чтобы понравиться своим идеально чопорным соседям-британцам, а теперь они от него будут шарахаться. Местные жители, наверное, никогда не слышали подобных рождественских гимнов. Обзавидуйся, королевский колледж Кембриджа. Терри — славный парень, подумал Марко, он поймет.

Развернувшись, Марко отступил обратно на Майл-Эндроуд, укрылся в пабе "Пурпурный муравьед", понадеявшись, что там согласятся его обслужить. К счастью, никто из папистов-поджигателей не заметил его появления на площади. Марко мог бы на пару часов затаиться в "Муравьеде", а потом перепрыгнуть через заднюю стену с Коберн-роуд. Или попросить Терри впустить через его квартиру, если тот еще с ним разговаривает, конечно. За последние три года он научился отменно карабкаться на стены и проникать внутрь. Но, скорее всего, это не понадобится. Без поддержки таблоидов активисты могут рассчитывать лишь на случайных зевак и вряд ли зависнут тут надолго.

Иногда несколько часов в пабе могут стать противоядием от всех невзгод. Особенно если у твоего дома тебя поджидает толпа активистов в масках. Пока спутниковые каналы загребали прибыли от продаж сюжета с беснующейся толпой в масках Анонима, Марко двигался по коктейльной карте "Пурпурного муравьеда". После шестерки самых популярных коктейлей он пришел к заключению, что все они на вкус примерно одинаковы. "Отвертка", "Секс на пляже" и "Харви Стенобой", имеющие химический вкус, цену и порции XXL, в конечном счете были одинаковым дерьмом. Надеясь, что участники порохового заговора уже убрались, Марко нетвердой походкой вышел из "Муравьеда" и без приключений добрался до своего жилища.

Он вошел в пустую квартиру. Квартиру, которая в последние три года была его домом лишь время от времени

по выходным, но все же убежищем, дававшим ему укрытие. Это было место, где он мог примириться с самим собой. Именно этим он и занимался остаток вечера. Примирялся с собой в свою последнюю ночь в своем убежище, святилище — тихой гавани во время шторма.

Марко зашел на сайт авиакомпании “Райнэйр” и забронировал билет на первый же рейс до Триеста. Учитывая канун Рождества, ему повезло, что вообще удалось найти место, и за убогое кресло посередке в лоукостере он с готовностью отдал сумму, равную стоимости бизнес-класса в “Бритиш Эруэйс”. В конце концов, безработным не следует привередничать.

Затем он заказал такси на семь утра. Хватит времени добраться до Станстеда*, прикупить рождественских подарков, вручить несколько визиток “Прикрути звук!” самым невменяемым и продолжить жить свою жизнь. Со своей семьей. Дома. Ну вот опять. Слово-триггер. На этот раз он не стал сдерживаться. Слезы полились сами собой, неостановимо. Он оплакивал себя, мать, своего мертворожденного ребенка, Джейни, отца. Более-менее в таком порядке. Очередность не имела значения. Важно было, что он наконец-то позволил себе плакать. Слезы разрывали его на части и одновременно освобождали.

Сборы много времени не заняли, остались два последних предмета, которые надо было запихнуть в нормативы “Райнэйр” (“Попробуйте превысить вес багажа — и вам конец”). Эти два предмета были неразрывно связаны с семьей и хранили воспоминания о тех днях, когда время начало стирать следы прошлого, медленно, но верно.

Во-первых, фотография момента семейного счастья: мать, отец, дедушка, бабушка и он сам, младенец в плетеной корзинке на переднем плане. В левом нижнем углу надпись от руки: “Альба, 1989”. Если присмотреться, можно

* Один из лондонских аэропортов.

разглядеть, как дедушка Нино с лукавой улыбкой приподнял белое вышитое покрывальце, демонстрируя рядом с младенцем сокровище — горку клубней. *Меланоспорум.* Наглядное свидетельство побочного дохода его югославской семьи от незаконной предпринимательской деятельности в социалистическом раю Тито и его личного участия в схеме контрабанды трюфелей — в плетеной корзине-колыбели.

Трюфели из Умбрии — лучшие в мире. Но трюфели из Пьемонта более раскручены и потому дороже. Эти две причины и запустили преступную жизнь Марко, когда ему было восемь месяцев. Он пересек государственную границу Югославии в подгузнике, раздувшемся от какашек — *меланоспорум, эстивум, макроспорум* и, конечно, редкий восхитительный вид *магнатум Пико...* Даже пограничные собаки воротили нос от младенца с его кладом в подгузнике, и семейство спокойно добиралось до своего итальянского логова с незаконным грузом — грибами и неправедными доходами Нино, наличными, запихнутыми все в те же подгузники. Благодаря этому бизнесу их семейство жило вполне себе неплохо, они получали образование, обзаводились квартирами, но самое главное — дед Нино, жизнь которого была полна авантюр, в том числе политических, мог наконец задуматься о строительстве трюфельного ресторана своей мечты, и в не слишком отдаленном будущем. А началось все в тот момент, когда криминальная банда во главе с младенцем была запечатлена на лучшей черно-белой пленке *Orwo* производства ГДР. Глядя на снимок и все еще находясь под воздействием выпитых коктейлей, Марко почувствовал, как слезы снова наворачиваются на глаза, что было совсем некстати, когда следовало решить, что взять в ручную кладь, а что сдать в багаж.

Вторым драгоценным предметом было наследство, оставленное отцом, исчезнувшим в девяностые в пожаре балканской войны. Необычный дар для маленького ре-

бенка, но вполне объяснимый, учитывая, что его отец был археологом. На случай, если не вернется с войны, отец оставил ему, тогда десятилетнему, часть доспеха гладиатора-мурмиллона — *манику*, наруч для защиты предплечья. Марко поднял железяку к свету, рассматривая странные руны, нанесенные на металл с внутренней стороны доспеха. Когда ему было десять, маника неизменно будила в нем воображение, а сейчас она напомнила, как отец водил его в древний амфитеатр Веспасиана в Пуле и рассказывал истории о боях, гладиаторах, зверях и храбрых псах, которые наравне с *венаторами** сражались на залитой кровью песчаной арене. Именно от отца он узнал, откуда пошло слово "арена". Оно означает "песок" на латыни и до сих пор значит то же самое в испанском. Песок, который впитывал кровь, который можно было быстро смести и заменить чистым, как будто ничего и не было. И теперь маника — его самое ценное имущество, она непременно поедет вместе с ним.

Марко вынул фотографию из рамки, аккуратно свернул и всунул в картонный цилиндр от рулона бумажных полотенец, потом бережно поместил в полость двухтысячелетнего наруча и уложил оба предмета в ручную кладь.

Опустив голову на подушку, Марко ждал, когда придет сон. Он был готов к следующему этапу жизни. Будь что будет, это всяко лучше ада последних месяцев.

Излишне говорить, что великая река забвения, то есть Лета, не явилась по расписанию. Ни одна из старых уловок не сработала. Обычно Марко не составляло труда заснуть, едва закрыв глаза. В обычной жизни он был чемпионом по сну, мог бы представлять Югославию, если бы она еще существовала, или Великобританию — и уж точно маленькую Хорватию. Но в эту ночь, его последнюю ночь

* Гладиатор-охотник, специализировался на травле зверей.